

ПОЛИТИЯ

Ю.А.Красин

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ¹

Ключевые слова: инновационное развитие, модернизация, реформационная ситуация, человеческий капитал, социальный капитал, общественная рефлексия

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России» (проект № 10-03-00109а).

Переход к инновационному развитию официально провозглашен стержневой стратегической задачей российского общества. Об этом сказано много красивых и правильных слов. Приняты развернутые планы на разных уровнях управленческой вертикали и на предприятиях, выделены немалые финансовые средства. Но результаты пока не впечатляют. Научную и гражданскую общественность, да и саму власть, во все большей степени тревожит бросающаяся в глаза пробуксовка инновационных планов и программ. В научных и общественных дискуссиях довольно часто звучит мысль о том, что причина состоит в одностороннем понимании инновационного развития как преимущественно технологической проблемы, в недооценке социально-политической составляющей этого феномена.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо прежде всего определить, что представляет собой инновационное развитие и как оно соотносится с политической реальностью, со сложившейся в России политической системой.

Следует признать, что инновации имели место на протяжении всей истории человечества. Взаимодействуя с природой, люди постоянно изобретали и совершенствовали орудия, средства, способы производственной деятельности с целью повышения ее результативности. Одни инновации были малозаметными, не выходили за рамки привычных форм деятельности и образа жизни, другие существенно видоизменяли способы производства и в конечном счете структуру, устройство и функционирование социума.

В цепи нововведений время от времени происходили инновационные «скачки», влекущие за собой качественные изменения форм общественной жизнедеятельности. Так, по инновационным рубежам в производственном освоении материалов в истории первобытного общества отчетливо выделяются «каменный век», «бронзовый век», «железный век». Переход к земледелию положил начало аграрному обществу. Инновационный скачок, порожденный освоением машинного производства, открыл индустриальную эпоху, изменившую облик социума и создавшую почву для промышленного капитализма.

За последние полвека в самом фундаменте человеческого общества, несомненно, произошли качественные сдвиги. Они настолько

глубоки, что получали в научном и общественно-политическом лексиконе названия, неизменно включавшие слово «революция»: «вторая промышленная революция», «научно-техническая революция», «информационная революция». Подстегиваемая этими переменами глобализация, в свою очередь, способствовала их распространению на весь мир. Явно наметился переход к новому типу социально-экономического развития. Центр тяжести общественного производства стал быстро перемещаться с материальных факторов на духовные — знание, информацию, творчество. Ученые и публицисты заговорили об «экономике знаний», или об «умной экономике». Все более очевидно, что доминирующую роль в общественном производстве начинает играть всеобщий труд, то есть наука, сублимированный в ней интеллектуальный потенциал общества.

Теоретическим отражением этих сдвигов во второй половине прошлого столетия стали концепции «постиндустриального», «информационного», «постсовременного» общества. Поначалу казалось, что в обозримой перспективе новый тип общества утвердится, по крайней мере, в экономически продвинутых странах. Однако вскоре обнаружилось, что в нескончаемом потоке перемен сохраняются и прежние уклады производства и социальных взаимоотношений. И не только на мировой периферии, но и в развитых странах, где инновации сочетаются с архаичными формами общественного бытия и сознания, подпитываемыми через расширившиеся каналы трудно контролируемой глобальной миграции. Поэтому перемены свидетельствуют не столько о «новом обществе», сколько о становлении качественно нового, *инновационного типа развития* (ИТР), базирующегося на творческой энергии социума, на высоких технологиях и отличающегося динамизмом и способностью адаптироваться к быстрым изменениям. В результате меняется характер социально-экономического и социокультурного развития общества. Решающим фактором становится творческий потенциал индивида (*человеческий капитал*), включенный в основанную на доверии и солидарности систему общественных взаимодействий (*социальный капитал*).

С утверждением ИТР человечество подходит к такому рубежу развития, когда социум нуждается в кардинальных *социальных инновациях*, призванных соединить принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов. На передний план социально-экономического развития выдвигается развитие человека как «общественного индивида». Под давлением этой потребности происходит гигантское разрастание социальной сферы (образование, здравоохранение, социальное обеспечение, обустройство среды обитания, организация прикладных и фундаментальных научных исследований).

Развитие столь обширной сферы, предназначенной для раскрытия и активизации творческих сил и способностей человека, требует

масштабного накопления социального капитала — богатства отношений кооперации, солидарности, взаимного доверия, базирующихся на взаимосвязях и взаимодействии индивидов в социуме. Это — смыслообразующее начало тех ценностей и целей, которые выходят за узкий горизонт эгоистических мотивов потребительского индивидуализма. Нарращивание социального капитала создает благоприятную среду для ИТР, формирует инновационную культуру.

В своей совокупности человеческий капитал и капитал социальный образуют основной ресурсный источник инновационного развития.

Страны, которые встали на этот путь, задают тон в мировом экономическом гандикапе, получая колоссальное преимущество перед странами, застрявшими в русле «инерционного развития». Несомненно, что ИТР отвечает национальным интересам России. Во-первых, переживаемая российским обществом фундаментальная трансформация сама представляет собой масштабную социальную инновацию, неосуществимую в инерционных рамках: разрешение постоянно возникающих проблем, противоречий и кризисов требует неординарных подходов. Во-вторых, инновационное развитие приобщает Россию к центру и нерву глобальной экономики, а значит — к рычагам и механизмам глобального мироустройства. В условиях глобализации это объективно обусловленная двуединая задача России, без решения которой она вряд ли сможет сохраниться как единое суверенное государство.

Потребность в ИТР все более ясно осознается политической и интеллектуальной элитой российского общества.

Одной из причин краха советской системы была ее неспособность адекватно отреагировать на инновационный вызов. В том, чтобы найти ответ на этот вызов, заключался смысл перестройки второй половины 1980-х годов. Однако «либеральные» реформы 1990-х поставили общество на грань распада. На повестку дня встал вопрос, как избежать падения в пучину полного хаоса и неуправляемости. Именно в поисках выхода из системного кризиса зарождалось и крепло понимание того, что простой заменой одной формы индустриального развития (государственного социализма) другой (рыночным капитализмом) проблемы не решить. Для выхода экономики на более высокий (постиндустриальный) уровень необходимо было сменить сам тип развития.

Со второй половины 1990-х годов идея ИТР получает все более широкое распространение. На эту тему проводятся семинары и круглые столы, в регионах и на предприятиях разрабатываются соответствующие стратегические планы. В 1999 г. в Ульяновске и Москве была принята «Национальная хартия инновационной культуры», подписанная деятелями науки, культуры, образования, представителями бизнеса и органов управления. В ней говорилось о решающей роли культурной среды в формировании позитивного отношения людей к инновациям в способах производства и условиях труда, об улучшении среды обитания и общественной жизни. В 2001 г. в Москве под эгидой ЮНЕСКО

прошел международный форум, лейтмотивом которого стала мысль о том, что инновационная культура является стратегическим ресурсом XXI столетия. В том же году при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был образован Комитет по инновационной культуре.

Необходимость перехода к ИТР была осознана и на государственном уровне. В углубление утвержденных в 2003 г. «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» в феврале 2004 г. был принят документ «О политике Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы». Инновационная политика в этом документе ориентирована на формирование экономики, опирающейся на новые знания и перспективные технологии. Эти установки были положены в основу концепции и перспективных планов социально-экономического развития России до 2020 г. По проблемам инновационного развития опубликован большой объем литературы и научно-практических разработок.

Однако заметных подвижек не произошло, в том числе в «тучные годы» «энергетического бума», когда, казалось бы, возникли благоприятные условия для структурной перестройки экономики.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., наглядно вскрыл слабости и пороки российской общественно-политической системы, блокировавшие широковещательно провозглашенные технологические нововведения. Власти не удалось мобилизовать национальную энергию для решения назревших задач ИТР. Не этим ли вызвана смена терминологии в официальных документах? Вместо «инновационного развития» все чаще стало употребляться широкое и неопределенное понятие «модернизация». Это слово прочно вошло в риторику политических выступлений, оно не сходит со страниц газет и журналов, транслируется электронными СМИ. Однако обозначаемое им понятие далеко не однозначно и употребляется в разных смыслах. Для одних модернизация — это просто обновление. Для других — становление высокотехнологичного производства. Третьи усматривают в ней переход к «модерну», к современному обществу по образцу индустриально развитых западных демократий. Невольно закрадывается подозрение, что за этой размытостью словоупотребления скрывается желание уйти от острой проблемы назревших и перезревших качественных перемен в российском социуме.

Подозрение только усиливается, когда в дискуссиях смазывается вопрос о соотношении технологического и социального аспектов модернизации. Налицо стремление свести модернизацию к технологическим изменениям, замкнуть ее на экономике, не допустить, чтобы она существенно затронула политическую систему, режим власти, основанный на жесткой вертикали и не опирающийся на горизонтальные пласты гражданского общества.

Президентская Комиссия по модернизации с подачи самого президента наметила приоритетные направления инноваций: телекомму-

никации, суперкомпьютеры, энергетика, космос, медицина. Технологические прорывы по всем этим направлениям действительно необходимы для инновационного развития российской экономики. Но как их осуществить в общественной среде, пораженной тяжелыми социальными болезнями, сопутствующими авторитарным методам управления и растущему социальному неравенству? Уже первая попытка создания на территории Сколково российской «Кремниевой долины», генерирующей прорывные инновационные идеи, показала неразрывную связь технологических новаций с социальными. Сразу же обнаружилось, что для функционирования «креативного очага» высоких технологий нужно либо менять федеральное законодательство (налоговое, таможенное, градостроительное, регистрационное), либо устанавливать на этой территории особый правовой режим (своего рода «инновационный оазис» в национальной экономике).

Пример Сколково показателен. Он свидетельствует о несоответствии нашего правового и политического порядка целям инновационной технологической модернизации. Этот пример наглядно демонстрирует, что крупные технологические инновации должны сопровождаться серьезными демократическими реформами, затрагивающими все общественно-политическое устройство страны.

Между тем в общественное сознание, в том числе теоретическое, сегодня настойчиво внедряется постулат, будто в российских условиях технологическую модернизацию экономики может осуществить только авторитарная власть, которая в процессе экономических преобразований сама собой демократизируется.

По сути дела, методологической основой предлагаемой технократической идиллии служат догматически упрощенные представления о «базисе» и «надстройке». Столь жесткое разделение общественной жизни на «этажи» принципиально неверно, поскольку не учитывает органического взаимодействия экономики и политики, благодаря которому экономические потребности осознаются и реализуются в политической форме и политическими средствами — тем более в эпохи больших сдвигов, когда происходит инверсия экономических и политических факторов и технологические модернизации просто невозможны без соответствующих социально-политических трансформаций.

Нынешняя ситуация явно не благоприятствует переходу России к ИТР. Инновационное обновление экономики наталкивается на препятствия, порождаемые консерватизмом и застойностью социально-политических порядков и дефицитом политической воли, направленной на проведение крупных инноваций в этой сфере. Внедрение высоких технологий затруднено деиндустриализацией страны вследствие радикально-либеральных экспериментов 1990-х годов. Урон, понесенный наукой, особенно фундаментальной, лишает перспективы многие стратегические направления инновационного развития.

Слабость гражданского общества мешает развертыванию творческой энергии общественной самодеятельности, крайне необходимой

для достижения великой цели «инновационного прорыва». Ни в элите, ни в самом обществе нет достаточно мощных креативных сил, которые были бы жизненно заинтересованы в крупных инновациях и способны стать социальной базой и действенным субъектом ИТР. В государственной политике тон задают консервативные силы, заинтересованные в незыблемости социально-политического status quo, а значит — в сохранении инерционного типа развития, ориентированного на рентную экономику. Низкий уровень инновационной культуры и истощение социального капитала препятствуют созданию в России национальной инновационной системы — совокупности институтов, отношений, социальных практик, образующих каркас ИТР и закрепляющих достигнутые на этом пути результаты. Контуры такой системы только вырисовываются. Становится очевидным, что ее становление потребует демократической трансформации российского политического режима.

Налицо парадоксальная ситуация: общество столкнулось с императивом «креативной модернизации», не решив задач модернизации более низкого порядка, так сказать — «первичной», призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», обеспечить реиндустриализацию страны. Два вида модернизации — «первичная» и «креативная» — неразделимы во времени, хотя первая логически предшествует второй и является необходимой ее предпосылкой. Этот парадокс российской модернизации неординарен, и выход из него требует неординарных решений: не формально-логической очередности стадий модернизационного процесса, а их своеобразной инверсии, способной адаптировать инновационную политику к зигзагам противоречивого развития общества. Первостепенное значение для продвижения по этому пути приобретают воля и профессионализм правящей элиты и ее лидеров в выборе направлений и приоритетов модернизации, способствующих переходу к ИТР.

Существуют ли в рамках нынешней политической системы с ее авторитарными флюсами возможности для того, чтобы правящая элита осознала свою историческую ответственность и открыла путь к ИТР? На первый взгляд, ответ очевиден. С общетеоретической точки зрения авторитарные методы вроде бы несовместимы с природой креативной экономики; инновационное развитие и творчество вообще нуждаются в свободной атмосфере, то есть в демократии. Именно таким доводом оперируют сторонники внесистемной оппозиции, утверждая, что сначала России нужно освободиться от авторитарного режима, а уж потом решать задачи модернизации и ИТР.

Но так можно ждать до греческих календ, потому что нынешняя система власти имеет довольно прочную основу в обществе. Радикальный либерализм 90-х годов прошлого столетия, выпустив из бутылки джинна необузданного эгоизма, породил не только «великое разочарование» в идеалах социализма и демократии, но и «великое искушение» потребительского благосостояния и достатка. Пройдя сквозь тяжелейшие

испытания XX в., российский народ в своем большинстве так и не достиг сколько-нибудь достойного уровня жизни. И это в богатейшей стране, не обделенной талантливыми и трудолюбивыми людьми. На этом фоне щедрые радикально-либеральные посулы всеобщего рыночного благоденствия пробудили у людей конформистские инстинкты.

Можно сколь угодно аргументированно теоретизировать относительно ущербности модели «индустриально-потребительского общества». Но это не заденет сознания населения страны, веками страдавшего от «недопотребления». А если в результате проводимого властью курса ему будет перепадать хотя бы малая толика нефтегазовых сверхприбылей (львиная доля обеспечивает покой и благоденствие государственно-олигархической элиты), то вряд ли можно сомневаться, каким окажется политический выбор большинства, не обладающего иммунитетом против вируса чистогана и всеобщей коммерциализации. Это благоприятствует росту консервативных настроений. По данным опросов общественного мнения, значительные слои россиян недовольны проводимой социальной политикой, но перечисленные факторы минимизируют эффект нарастающего раздражения. По-видимому, преодолеть это противоречие в сознании и поведении народного большинства возможно лишь через накопление им собственного социально-политического опыта. Для этого нужно время, и России, скорее всего, опять предстоит пережить более или менее длительный исторический зигзаг.

А пока для смены существующей политической системы нет сколько-нибудь значимых социально-политических ресурсов. Отсутствует альтернатива. Вернее, она остается неопределенной, носит «веерный» характер и не воспринимается обществом как реальная программа, подкрепленная необходимыми для ее осуществления средствами. В такой ситуации радикальные призывы и действия не получают массовой поддержки, отторгаются обществом — не в силу каких-то национально-исторических особенностей «российского менталитета», а в силу основанного на недавнем опыте предчувствия «большой катастрофы» и опасности срыва в бездну неуправляемости и распада. В то же время потребность в переменах не исчезает. Она постоянно дает о себе знать, от нее исходят все новые и новые импульсы. Эта перманентная, хотя и большей частью латентная жажда перемен достаточно ясно отразилась в зеркале экономического кризиса и его последствий.

Аргументация внесистемной оппозиции, которая хочет сменить политическую систему, не срабатывает, потому что несет на себе печать чисто доктринерского видения реальных противоречий российской трансформации. По многим причинам путь России к демократии долог и тернист. На нынешнем этапе для российского общества характерно противоречие между потребностью в «инновационной модернизации» и преобладающими трендами социально-политического развития. Рост избыточного социального неравенства и квазисословное расслоение общества ведут к усилению авторитарных тенденций и дегуманизации общественных отношений. Но это не застывшее, а живое противоречие,

которое создает двустороннее давление. Не только авторитарный режим блокирует переход к ИТР, но и потребность в модернизации бросает вызовы этому режиму.

Модернизация стучится во все двери. От ее креативного содержания — внедрения ИТР — зависит как исход масштабной трансформации страны, так и положение России в глобализирующемся мире. Вместе с тем социальная практика со всей очевидностью показывает, что попытки «прорыва» в этом направлении наталкиваются на инерционность и тормозные механизмы сложившейся в России политической системы. Поэтому прежде всего необходимо понять, каков, собственно, российский «коридор возможностей» для модернизации инновационного типа.

Нынешняя российская политическая система возникла не на пустом месте. Вслед за крушением во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов жестко авторитарной системы, унаследованной от сталинских времен, наступил период резкого ослабления государственности. Разгул необузданной вседозволенности привел к состоянию, близкому к полной потере управляемости. Нельзя было выйти из этого состояния без известного ограничения демократических свобод и укрепления государственных рычагов контроля и управления. Из потребности в обуздании хаоса вырос режим «мягкого авторитаризма», который получил поддержку большинства общества, уставшего от свалившихся на него невзгод и лишений. При слабости гражданского общества и неустоявшихся отношениях собственности этот процесс сопровождался бюрократизацией государственных структур, их клановой и групповой «приватизацией», ростом чиновничьего произвола и коррупции. Режим развивался по линии усиления авторитарных тенденций. Это не значит, однако, что он превратился в некий монолит. Экономические и социальные потребности создают определенные возможности для постепенной демократической эволюции «мягкого авторитаризма».

Кризис и его последствия высветили эти возможности. Власть поставлена в такое положение, при котором она не может управлять прежними методами. Когда-то Ленин писал о революционной ситуации, в которой «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по-старому, и это служило объективным показателем назревшей революции. Сейчас в России сложилась своего рода «реформационная ситуация», когда объективно назрела модернизация всей общественной системы. Альтернатива — деградация общества, уже затронувшая некоторые регионы страны и части социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, эрозия трудовой этики, рост жестокости и отчуждения, депопуляция обширных территорий. Власть бессильна остановить или хотя бы сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту думать об изменении способа правления. Экономический кризис для нее — тревожный звонок. Успешный выход из кризиса требует гибких творческих решений, подрывающих жесткость административной

вертикали, требует гражданской инициативы и массового энтузиазма, что противоречит авторитарным методам управления обществом. Механизмы ручного управления все чаще дают сбои, порождая у правящей верхушки неуверенность в своей способности справиться с последствиями кризиса. Все ее поведение представляет собой смесь растерянности, робкого поиска иных подходов и страха за свое будущее. Она вынуждена прибегать к маневрам, делать противоречивые заявления, советоваться с «аутсайдерами», невольно расширяя круг участников политического процесса, допуская в него умеренных оппонентов власти.

Под давлением лавины вызовов и угроз, с которыми невозможно справиться автократическими методами, в политической системе образуются трещины и ниши, расширяющие публичную сферу, *поле общественной рефлексии* по поводу проблем развития российского социума. Эти пока еще слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду, ибо содержат, если можно так выразиться, «намек» на постепенную демократическую эволюцию политической системы, на поэтапную консолидацию в ее рамках конструктивных течений политической оппозиции и появление новых демократических альтернатив, способных при обострении «реформационной ситуации» изменить авторитарный вектор государственной политики.

В общественно-политическую жизнь вносится фермент, который может стать катализатором создания в стране *конкурентной среды*, необходимой для поиска адекватных ответов на современные вызовы, для утверждения инновационного типа социально-экономического развития и формирования устойчивой демократии как внутренних источников саморазвития и самообновления общества.

В этом намечающемся процессе экономика и политика тесно переплетаются и взаимодействуют. По мере осознания правящей элитой императивной необходимости кардинального обновления экономики иницилируемые «сверху» задачи технологической модернизации, независимо от намерений власти, приобретают политический смысл. Наталкиваясь на барьеры политической системы, решение этих задач стимулирует ее демократизацию и тем самым расширяет возможности модернизации общества в целом.

По всей вероятности, демократическая эволюция политической системы в России будет противоречивой и долгой. Это значит, что при нынешних темпах развития и глобализации мира решение узловых проблем перехода страны к ИТР не может откладываться до завершающих этапов процесса демократизации. Усилия по использованию имеющихся и созданию новых возможностей, необходимых для постоянного продвижения к намеченной цели, должны предприниматься «здесь и сейчас». Иначе Россия неминуемо окажется отодвинутой на периферию формирующегося глобального мира.